

Анатолий АВРУТИН

Где-то там, в серебряном дыму...

* * *

Не проще тени... Не светлей звезды...
Не сумрачней обиженной дворняги,
Не тише вековечной немоты
И не живей рисунка на бумаге —
Она парит, прозрачная душа,
Уносится в трубу со струйкой дыма,
Стуманами ночует в камышах,
Везде жива, везде неуловима.
Когда бредёшь в раздумчивой тиши,
Наедине с ночным небесным светом,
Есть ночь и высь... А больше — ни души,
Но всё душа, но всё душа при этом.

Чуть первые тени прорежутся из темноты
И лысье кроны в пруду затрепещут нелепо,
Кресты золотёные станут совсем золоты
И вспышкой застывшей
почудится цвет курослепа.

Зелёным дыханьем
наполнится чахлый пейзаж,
Рассадят по веткам галчат
суетливые клёны.
И встанешь... И вздрогнешь...
И всё, что имеешь, отдашь
За галочий крик и над церковью крест
золотённый.

Пустые хатёнки...
За Храмом и дали пусты...
И заново ловишь куда-то пропавшие звуки.
И женщина рядом...
И с ней уже можно на «ты»,
А значит, и можно страдать
от грядущей разлуки.

Господь не поможет —
о зрящем его не проси!
В ладони — ладонь...
И грядущим терзаться нелепо.
В реке под мостками упрямо шныряют язи,
Пуская сквозь жабры
разлукой дразнящее небо.

Пройдёмся немного...
Тебя провожу до угла...
А там, не начавшись, конец
и любви, и тревоги.
Но птица вспорхнула
и клювом простор подожгла,
И пух с тополей...
И ребёнок стоит у дороги...

* * *

Надежде Мирошниченко
Мне любезен рассвет...
И закатное солнце любезно.
Мне любезна коняга,
что мирно бредёт в поводу.
Эта бездна без дна...
Мне любезна бездонная бездна,
Мне любезны синица
и горечь полыни во рту.
Раздаю всё, что есть...
Ничего, от меня не убудет —
На великой Руси
и беспамятный помнит добро.

Надо мной небеса...
Где-то в небе — хорошие люди,
Помолиться за них в час суровый
совсем не старо.

Эге-гей... Небеса... Прогремите —
а я вам любезен?
Вы послали мне с ливнем
ночные свои письма.
Мы с бродячей собакой чужой
частокол перелезем,
И в саду очутимся, откуда всё небо —
без дна.

Я голодному псу потреплю
жестковатую холку,
С благодарностью глянет заброшенный пес
на меня.
И тогда осенит, что бродил я и зря,
и без толку...
Бесполезно бродить мог
до самого Судного Дня.

Но спасибо тебе,
отворённое в полночь оконце, —
В этот сад поднебесный,
что воздух Отчизны сберёт.
Значит, скоро рассвет...
Значит, снова дорога за солнцем —
Птицам на проводах
нипочём электрический ток.

Предшественники

Вы, наверно, о нас?...
Мы степенной походкой пройдем
Мимо вспомненных дат,
мимо праха великих сражений.
Может, шли мы неверно
объявленным «верным путём»,
Но мы видели свет...
И казался нам сумрачным гений...

Пусть зловещие орды всё мнили
пойти на восток,
Мы мгновенно разбить их
наивно и яростно мнили.
Был их замысел — низок,
полёт наших мыслей — высок,
И врагов обращал он
в ничтожное месиво гнили.

Мы домой возвращались,
не очень-то зная — куда,
Где был дом — пепелище,
а женщин — болезные вдовы.
Мы скрипели зубами...
А силы собирала Орда —
Дым Отечества нашего был им,
как запах медовый.

И Орда одолела... Не нас — тех,
кто следом пришёл,
Тех, кто вытравил память
из шариков гемоглобина.
Им чванливо велели,
и ноги поставив на стол,
Потешались: «Плевать им,
что харкает кровью рябина...»

И они растоптали — и зная,
и наших вождей,
И державных поэтов,
и эти багряные грозди.
Это было о нас:
«Гвозди б делать из этих людей!...»
А у них в дефиците и люди, и души,
и гвозди...

Ну, так в чём нас винить?
Мы своё отстрадали и так.
Нету праздников наших...
Зато процветает химера.
Мы пока что молчим...
Но очнётся матрос Железняк,
И еще громыхнет
воронёная сталь револьвера...

* * *

Давно не ревную, давно не ревнуют меня,
Но всё же порою накатит в минуту иную...
И женские очи являются, сутки длиня,
И я эти очи к очам позабытым ревную.

Берёшь фотоснимок,
на трещинку молча глядишь,
А кромка резная
шершавит ладонь осторожно.
Умолкшие звуки сливаются в гулкую тишь,
И в этой тиши и тревожно душе,
и острожно...

Не нужно ответа... Давно постарели уста.
На фото и та же улыбка, и та же тревога.
И вдруг понимаешь,
что снимок хранил неспроста,
Хоть юность вдали
и всё ближе до Господа Бога...

И только под утро ты снимку прошепчешь:
«Пока,
Теперь я не скоро твою позабытость
нарушу...»
Всё тот же анапест...
Всё так же тревожна строка...
И женские очи глядят в заскорузлую душу.

* * *

На склоне дня чернее клёны
И непрозрачней зелена.
Густеет воздух воспалённый
На склоне дня, на склоне дня.

Но что-то есть в небесной муке
Такое, что внезапно, вдруг,
Себя услышав в трубном звуке,
Душа летит на этот звук.

А где-то там, за луговиной,
Собой печали заслоня,
Гудит простор о ночи длинной —
На склоне дня, на склоне дня.

Превыше зла и всепрощенья,
Чуть разгорается вдали
Вот это белое свеченье
Над чёрным краешком земли.

И непонятно, что за сила
Туда, за горестный предел,
Тебя доселе возносила,
Покуда день не отгорел...

* * *

Я в этот бурный мир пришёл издалека,
Была там божья длань
к высокому воздету.
И взгляд слепила даль,
колеблема слегка
На зыбком рубеже мерцания и света.

Просветы в небесах, нечасты и темны,
Скрывали бег минут
и мутных рек теченье,
Что всё струились вглубь
истерзанной страны —
До чёрной пелены, до белого свеченья.

Примерил —
и следы мне сделались малы,
Хотя ступил назад, ещё не сделав шага,
Но чувствуя одно — что спилены стволы,
Что сказаны слова, что скомкана бумага...

И только чей-то глас твердит —
не вышел срок
Тому, что Высший Суд
тебе доверил люто.
Ещё дрожит вдали последний огонёк
И в зареве зари не блекнет почему-то.

И всё старо, как мир... И в мире всё старо...

И только с высоты,
прозрачно и воздушно,
Летит, кружась, летит утиное перо,
Пророчествам небес внимая равнодушно.

Пятидесятые

Железнодорожная больница,
Узкий мост от клуба Ильича...
И сегодня мне порою снится,
Как во тьме ограбленный кричал.
Как его бандиты били, били —
Где-то у больничной проходной...
На Товарной лампочки рябили,
Ну, а там — лучинки ни одной.
Крик летел, дробя в просторе диком
Звёзды, паровозные гудки...
Делались одним надрывным криком
Семафоры, дыма завитки.
Переулочек спал... Закрыты были
Сени в осторожные дома.
Лишь завывла женщина: «Убили...»
И в молчанье канула сама.
Крик летел, вздымаясь выше, выше,
Чтобы оборваться в лютый миг...
Но никто из домиков не вышел,
Ни один недавний фронтовик.
Только утром подписал бумагу
Наш сосед: «Не слышал ничего...»
И медаль болталась... «За отвагу»...
На груди могучей у него.

* * *

Смотрю женатыми глазами,
Как у тебя вдовеем взгляд...
Мы сняли кольца... Между нами
Одни сомнения парят.

Слегка приглушен звук... Россини
Нам обнажает суть и суть.
Да лучик солнца апельсинит
Нагие плечики и грудь...

Ещё и простыни не смяты,
Ещё и плоть не обожгла...
— А как до этого жила ты?..
— Как я жила?.. Я не жила...

И всё... Гудок сиренозвучий,
Кивок — уже издалека...
Остались музыка и руки,
А дальше — память коротка...

* * *

Всё кружит октябрьская медь...
Старый дом отправили на слом...
Можно к электричке не успеть,
Но успеть подумать о былом.

Это там, в серебряном дыму,
На ветру полощется бельё.
Поднял тост, к несчастью своему,
Наш сосед во здравие своё.

Поднял тост... Кульпячкой поскорей
Подхватил заляпанный стакан.
И вспорхнул за стаей голубей,
Тёте Ньюше крикнув, что не пьян...

Это там трудяга-патефон
Шепелявит грустно:
«Бэ-са-мэээ...»
А я только счету обучён:
«Трижды шесть... И два ещё в уме...»

Это во дворе визжит пила —
Ставят голубятни... Сразу две.
Это в небе птицам нет числа —
Турманы кружатся в синеве.

Ну да ладно... Спилены стволы,
Огоньки над станцией дрожат...
Электричка выскочит из мглы
И умчит куда-то наугад.